
ЛОГИКА И АРГУМЕНТАЦИЯ

С. С. Гусев

СИТУАТИВНОСТЬ СМЫСЛА

Аннотация: В статье обсуждается контекстуальная зависимость языковых выражений от конкретных «событийных рамок», в которых эти выражения используются.

Выделяются различные уровни смысловых контекстов и влияние этих уровней на понимание передаваемых и получаемых текстов.

Ключевые слова: Смысл, текст, контекст, ситуация, события.

Abstract: In the paper, contextual dependency of linguistic expressions on actual frameworks of their application and use. Distinct levels of sense contexts and their influence on understanding texts received and transmitted are discussed.

Keywords: Sense, text, context, situations, event.

Проблеме смысла языковых выражений посвящено огромное количество работ самых различных авторов. Но вряд ли можно утверждать, что на сегодняшний день сложилось достаточно общепринятое представление о содержании термина «смысл», используемого во множестве контекстов, порой существенно не совпадающих друг с другом. В то же время само это множество контекстов свидетельствует о необходимости хотя бы наметить некоторые общие границы употребления этого термина, что способствовало бы более четкому разграничению понятий «смысл» и «значение», столь распространенных в современной логико-философской литературе. Несмотря на то, что со времен работ Г. Фреге все авторы признают существенное различие этих понятий, слишком часто они употребляются через запятую или в контексте, выражаемом нестрогой дизъюнкцией. Однако если большинство исследователей согласны с тем, что понятие «значение» связано с указанием на некий фрагмент соответствующей предметной области (в чисто логическом контексте под значением высказывания понимается фиксация его истинности или ложности), то рамки рассуждений, в которых речь заходит о «смысле», весьма размыты.

В самом деле, установить *значение* самых обычных фраз, используемых в обычном общении людей, достаточно просто. Если мы встретим предложение «Окно открыто», то определение его предметного содержания при стандартном использовании языка не вызывает особых затруднений. Ясно, что внимание автора данного пред-

© С. С. Гусев, 2012

ЛОГИКА И АРГУМЕНТАЦИЯ

ложения привлечено к окну, а не к двери или еще какому-нибудь предмету интерьера. Не менее ясно, что предложение характеризует достаточно определенное состояние окна. Но если попытаться выяснить, *каков смысл* произнесенного или написанного предложения, могут возникнуть существенные разногласия. Ведь понимание или непонимание предложения обусловлено предполагаемым ситуативным контекстом межлического общения, в котором данное предложение используется. В связи с этим неизбежно возникает вопрос о тех факторах, которые определяют конкретный характер такого контекста. Обращал ли внимание человек, использующий данное предложение, на опасность сквозняков, на необходимость говорить тише (ввиду возможности быть подслушанным) или еще на какие-то обстоятельства? Ответ на этот вопрос предполагает обращение к определенным условиям, в которых интересующее нас предложение прозвучало или было написано.

Такой подход существенно отличается от программы, которую когда-то разработывал Г. Фреге. Как известно, он считал, что под «смыслом» предложения следует понимать ту мысль, которая этим предложением выражается. Поэтому, с его точки зрения, различные способы оформления языковых актов демонстрируют лишь разнообразие грамматических структур, используемых при выражении мысли, тогда как сама эта мысль на всем протяжении коммуникации, связанной с некоторой данной темой, сохраняется неизменной. Тем самым предполагалось, что субъективные установки человека, передающего какое-то сообщение, влияют лишь на выбор той или иной структуры предложения, тогда как содержание сообщения (определенная мысль) имеют объективный характер, не зависящий от конкретных условий передачи сообщения. Поэтому логика, как считал Фреге, должна заниматься выявлением именно смысла используемых предложений, и ее в меньшей степени интересует различие в способах его внешнего оформления. Сегодня такой взгляд оказывается слишком абстрактным. Многие исследователи перестают видеть в логических формах рассуждения лишь процесс, протекающий в сфере «чистых идей». В самом деле, всевозможные структуры логики используются *в определенных реальных условиях межлического общения*, а потому конкретные особенности подобных ситуаций, существенно влияют на выбор способа рассуждения, на его обоснование и т. д. Осознавая данное обстоятельство, современные авторы все большее внимание начинают уделять изучению конкретных обстоятельств, в которых осуществляются те или иные коммуникативные действия. Нидерландский философ Й. Ван Бентем, например, характеризует изменения, происходящие в современной логике, как переход от «статики» к «динамике». Он обращает внимание на то, что большая часть логической деятельности обусловлена взаимодействием между разными людьми. Следовательно, организация подобной деятельности должна определяться конкретными условиями общения. Ведь для понимания какого-то предложения важно определить его предполагаемый контекст, установить, является ли оно ответом на некий вопрос, или оказывается фрагментом дискуссии, или, наконец, представляет собой утверждение о достигнутой согласованности мнений¹.

¹ См.: Ван Бентем Й. Логика и рассуждение: много ли значат факты? // Вопросы философии. 2011. № 12. С. 67.

Такая позиция созвучна идеям, разрабатываемым в современной герменевтике. Один из наиболее известных ее представителей еще в 90-е годы прошлого века подчеркивал то обстоятельство, что человеческая речь «всегда мотивирована, что человек не высказывает суждения, а отвечает на вопросы»². Но ответить на заданный вопрос правильно возможно лишь при условии осознания цели, которую преследует вопрошающий. Возможна, конечно, ситуация, при которой выявление этой цели может стимулировать как раз неверный ответ. В любом случае «в смысловое содержание выражения включена ситуация, конкретный случай»³. Из этого следует, что установление смысла языкового выражения обязательно требует выяснения целого ряда обстоятельств, вызвавших предъявление собеседникам именно этого, а не какого-то иного высказывания. И указание на цели, вызвавшие коммуникативную активность человека, является одним из важнейших факторов, определяющих межличностное взаимодействие.

Некоторая часть целевых установок может быть непосредственно выражена в языковых действиях общающихся людей (это так называемые «первичные» цели), тогда как другая обладает неявным характером и только предполагается с разной степенью обоснованности (данный тип установок можно определить как «вторичные» цели). Так, произнесение предложения «Окно открыто» в определенной ситуации может выражать требование закрыть окно. Однако обоснование данной цели проявляется в менее явной форме, хотя также определяется контекстом конкретной ситуации (высказываемое требование обусловлено тем, что в данном помещении слишком холодно или тем, что существует опасность быть подслушанным кем-то). Множество ситуаций, возникающих в реальной практике межличностного общения, свидетельствует о смысловой многозначности даже самых простых обиходных фраз, хотя чаще всего множество уровней их смысла остается скрытым даже от тех, кто их произносит.

Подобная связь смысловых интерпретаций и локально-конкретных ситуаций человеческой активности позволяет представить сущность понятия «смысл» как способ указаний на необходимость реализовать какие-то изменения в существующем положении дел (или сохранить его), на способ действий, на ожидаемые результаты произведенных действий и т.д. Любые вопросы всегда обусловлены определенными потребностями и целями. Следовательно, и ответ на заданный вопрос является корректным лишь тогда, когда эти цели осознаются как задающим вопрос, так и отвечающим на него. Вопрошающий человек посылает своим собеседникам некое сообщение, в котором выражает определенные ожидания (предположение о возможной ответной реакции окружающих). И понимание смысла передаваемого сообщения предполагает со стороны тех, кому вопрос адресован, способность осознать ожидания вопрошавшего. Кроме того, восприняв сообщение и осмыслив его содержание, человек должен оценить свое отношение к возникшей ситуации, как он ее понимает. По сути дела, любой коммуникативный акт направлен на совмещение установок адресанта и адресата. Эти установки могут совпадать (полностью или частично), а могут вступать в противоречие друг с другом (что также выражается с различной степенью явности). Необходимо иметь в виду, что такие установки приобретают intersubъективное значение,

² Гадамер Г. Г. Актуальность прекрасного. М., 1991. С. 56.

³ Там же. С. 57.

лишь тогда, когда они оформлены в каких-то языковых структурах. Ведь осмысливая свои действия, человек соотносит свой личный опыт с нормами коллективного поведения, заданными культурой, носителем которой он является. А такие нормы входят в его сознание большей частью через речевое общение с другими членами общества.

Из этого следует, сколь важно отличать «событие» (состояние дел, зафиксированное в некотором пространственно-временном интервале) от «ситуации» (связи событий, оформленной в человеческом представлении). Сами по себе внешние события, лишены смысла. Они интеллектуально осваиваются (осмысливаются) человеком тогда, когда он тем или иным способом связывает эти события между собой, создавая некоторое *контекстное* описание состояния дел в мире (в переводе с латинского слово «контекст» и означает «связывать», «соединять»). Такое описание обычно и называют «ситуацией». При построении подобных описаний в используемом языке выделяются средства, позволяющие зафиксировать какие-то пространственно-временные рамки (так называемые «локусы»), а также отношения между интересующими человека объектами, существующими в данном локусе⁴. Понятно, что разные люди, исходя из своего жизненного опыта и своей оценки важности тех или иных типов связи событий, могут описывать одно и то же состояние дел в мире существенно различающимся образом. Поскольку любая ситуационная модель выражается в виде некоторого текста (определенной системы предложений), постольку содержательная интерпретация этого текста предполагает прояснение контекста, с которым как-то соотносится каждое из предложений, входящих в структуру данной модели. В этом случае становится очевидной обусловленность ситуативной природы смысла: с одной стороны, тем, что смысл возникает на основе множества уже существующих в данном обществе контекстов, а с другой — тем, что сам новый смысл способствует формированию новых же контекстуальных рамок, иногда кардинально отличающихся от прежних.

Следовательно, способ описания некоторого фиксированного состояния дел в мире и способ осмысления событий, включаемых в содержание этого описания, взаимно обуславливают друг друга. Поэтому для понимания ситуативного характера смысла необходимо прояснить содержание понятия «контекст». Такая задача сама по себе связана с определенными трудностями. Хотя связь понятий «смысл» и «контекст» достаточно явно подразумевается разными авторами, однако определить природу последнего так же не просто, как и первого. Существует множество работ, в которых так или иначе идет речь о контексте, однако попытки выделить какие-то содержательные (при этом достаточно универсальные) характеристики данного понятия встречаются не так уж часто. С целью прояснения существующего разнобоя в его истолковании один из авторов предложил выделить наиболее общие аспекты его употребления. К ним он отнес следующие:

- эпистемологический (он связан с выяснением условий возникновения и использования интересующих текстов);
- методологический (в рамках которого устанавливается соответствие языковых выражений, составляющих содержание текста, существующим нормам словоупотребления);

⁴ См.: Барвайс Д., Перри Д. Ситуации и установки // Философия, логика, язык. М., 1987.

- социологический (ориентированный на изучение традиций и установок, регулирующих поведение группы, в которой текст транслируется)⁵. Ясно, что каждый из этих аспектов различным образом влияет на характер контекстуального осмысления передаваемых и воспринимаемых текстов.

В другой работе контекст определяется как «то, что включено в тело дискурса и что его окружает»⁶. Подобное определение вряд ли проясняет содержание понятия «контекст». Правда, следует отметить, что цель статьи этого автора ориентирована на построение классификации видов дискурса, и понятие контекста играет здесь вспомогательную роль. Однако в данной работе выделяются разные формы контекста, обуславливаемые различной направленностью дискурса. Одну из них А. О. Карпов обозначает как «внутренний» контекст, другой — как «внешний». Первый связан с организацией мыслительной деятельности индивида, тогда как второй порожден специфическими особенностями его общения с другими участниками коммуникативных действий⁷. Таким образом, в каждой из этих работ речь идет не столько о выявлении содержания понятия «контекст», сколько об условиях, в которых тот или иной тип контекста функционирует. Однако, обращая внимание на смысловую связь различных контекстуальных форм между собой, необходимо попытаться выявить хотя бы некоторые логические связи, объединяющие такие формы в единое целое (пусть и не достаточно четко организованное). С этой целью контекст какого-то осмысливаемого предложения можно определить как *множество таких предложений, из которых данное выводимо посредством дедуктивных или индуктивных умозаключений*.

Конечно, подобное определение не может быть отнесено ко всем случаям употребления данного понятия. Но такой подход позволяет более явно связать понятие «смысл» с языковой активностью людей. Ведь различные описания событий, с которыми они сталкиваются в процессе своей жизнедеятельности, представляют собой конструкции, получившие в логике название «возможные миры». И особенности подобных «миров» существенно зависят от специфики языковых средств, используемых для их создания. На это обращал внимание У. Куайн, выделявший в языке особый тип предложений, которые он и назвал — «ситуативные». По его мнению, эти предложения должны вызывать согласие или несогласие тех, кому они адресованы. При этом соответствующая реакция людей на принимаемые ими речевые сигналы зависит от конкретных условий, в которых происходит их общение⁸.

Одни обстоятельства могут стимулировать положительное восприятие данного предложения, другие вызывают негативную реакцию. В первом случае смысловая трактовка используемых языковых выражений оказывается сходной для всех участников общения, что обеспечивает успешность их совместных усилий, направленных на достижение общей цели. Во втором случае возникает ситуация, требующая либо продолжения взаимной корректировки способов осмысления передаваемых сообще-

⁵ См.: Матисов С. К. Проблема контекста // Язык, знание, социум. Проблемы социальной эпистемологии. М., 2007.

⁶ Карпов А. О. Дискурс: классификация контекстов // Вопросы философии. 2008. № 2. С. 74.

⁷ Там же. С. 75–76.

⁸ Куайн У. Слово и объект. М., 2000. С. 53–54.

ний, используемых разными индивидами, либо прекращения их взаимодействия. Таким образом, действительное понимание передаваемых и принимаемых предложений всегда обусловлено конкретной реальностью условий человеческой жизни. При этом необходимо иметь в виду то обстоятельство, что сами «внешние» обстоятельства лишь обеспечивают возможность выбора человеком видов его действий, но не задают такой выбор абсолютным образом. Люди живут в мире природных и социальных явлений и постоянно вынуждены оценивать адекватность своих вопросов, задаваемых ими окружающему миру в контексте «сиюминутных» задач и потребностей. Как утверждал К. Поппер, ни явления природы, ни социальные институты не могут определить, какие цели человек должен выбирать. Люди сами «привносят цель и смысл в природу и историю»⁹.

Современный отечественный автор, подробно описывая различные типы познавательных ситуаций (в данном случае речь идет о совокупности факторов, определяющих направленность человеческого интереса) также связывает понятие «ситуация» с отношением людей к тем событиям, с которыми они сталкиваются в своем взаимодействии с окружающей реальностью. Он определяет ситуацию как «совокупность обстоятельств, сопутствующих решению субъектом некоторой задачи и требующих его вмешательства (экспертного реагирования)»¹⁰. Он обращает внимание на то, что различные типы решаемых задач обуславливают возникновение различных же типов ситуаций. Несколько преобразовав предлагаемый автором набор ситуаций, можно выделить следующую цепочку шагов, последовательно связанных друг с другом:

1. Ситуация оценки важности задачи.
2. Ситуация оформления представлений о характере искомого ответа.
3. Ситуация выбора способа действий.
4. Ситуация осознания своей роли в предпринимаемых действиях (этот случай обусловлен ответом на вопрос, является ли данный индивид источником передаваемых сообщений или их получателем¹¹).

Ясно, что все перечисленные типы так или иначе описывают связи между постановкой соответствующей задачи и способами ее решения, а потому должны оформляться в каком-то языке и входить в структуру определенного «возможного мира».

С логической точки зрения создание любого из таких миров представляет собой процедуру отбора соответствующих языковых форм, позволяющих человеку выразить явным образом свое отношение к происходящим событиям. Но возможность такого отбора в свою очередь предполагает наличие некоторого массива выражений, из которых отбор осуществляется. Понятно, что некоторая часть этого массива всегда остается невостребованной в локальных конкретных условиях. Выбор определяется контекстом ситуации, как ее понимает человек, осуществляющий выбор. Поэтому часть смыслов, которые могут быть реализованы в соответствующих условиях, до возникновения таких условий имеет потенциальный характер. В связи с этим очень интересной представляется концепция Л. Мамфорда, который утверждает, что ум-

⁹ См.: Поппер К. Эволюционная эпистемология и логика социальных наук. М., 2000. С. 346.

¹⁰ Шкурко А. В. Анализ ситуаций и проблема компетентности // Эпистемология и философия науки. 2007. Т. XI. № 1. С. 131.

¹¹ Подробней см.: Там же. С. 135.

ственные способности людей, заложенные в них природой, никогда не реализуются полностью, «дожидаясь своего часа»¹². Именно конкретные условия, в которых осуществляются человеческие действия, определяют то, какие средства языка используются при конструировании того или иного «возможного мира», а какие — остаются невостребованными в данной ситуации.

Однако сам такой выбор не является полностью результатом субъективно-индивидуального произвола. В самом деле, человек взаимодействует с окружающей действительностью (в том числе и с другими людьми), будучи носителем определенной системы культурных норм и предпочтений. И это обстоятельство усложняет выявление смыслов, обуславливающих те или иные человеческие поступки, как и сам анализ языковых выражений, посредством которых исходные поведенческие рамки, присутствующие в субъективной реальности индивида, приобретают объективный характер. Ведь даже в сфере чисто лингвистического изучения языковой деятельности гораздо проще установить словарное (не связанное с конкретной ситуацией) значение какого-то слова, чем выявить ситуационные смыслы выражений, в которых оно используется. Например, значение слова «горянка» («женщина, живущая в горах») достаточно однозначно переводится на разные языки, тогда как смысл этого слова не всегда поддается четкой фиксации. Горянка может жить и в городе¹³. Кроме того, данное слово может играть роль скрытой метафоры, характеризую облик или поведение женщины, вообще не имеющей никакого отношения к горной местности. В последнем случае смысл описания кого-то как «горянки» наиболее явно обусловлен именно социально-культурными установками конкретного человека, а также реальной ситуацией, в которой подобная характеристика используется.

Особый интерес представляет выделение Л. А. Абрамяном помимо уровней «значения» и «смысла» языковых выражений еще и такой их характеристики, как «значимость». Он определяет эту характеристику как свойство слов, определяемое местом, которое слово занимает в лексической системе языка, в системе внутренних оппозиций, в структуре сопоставлений и противопоставлений слов¹⁴. Внимание к оттенкам «значения» и «значимости» еще более заставляет обращать внимание на ситуационный характер смысла. Тем более, что в реальной практике функционирования языка достаточно явно проявляется еще и различие между «высоким» языком официального общения и «низким» языком общения повседневно-бытового. Одни и те же слова часто приобретают при использовании этих форм весьма различающийся смысл. Конечно, оба уровня языковых действий обусловлены функционированием так называемого «культурного кода», однако сам такой код может различным образом проявляться в языковой активности представителей разных социальных групп, образующих структуру каждого конкретного типа социума. Общепринятый (стандартный) код задает определенный набор стереотипов использования каких-то выражений, одинаковый для всех слоев общества. Но лингвисты выделяют и менее распространенный «групповой» код, функционирование которого обусловлено специфическими

¹² Мамфорд Л. Миф машины. М., 2001. С. 60.

¹³ См.: Абрамян Л. А. Тетрадь Sigma. Ереван, 2008. С. 28.

¹⁴ Там же. С. 43–44.

ЛОГИКА И АРГУМЕНТАЦИЯ

условиями жизнедеятельности каждой из групп. В одних ситуациях представители какой-то группы используют «высокий» язык, а в других — «низкий». Но возможно и существование таких групп, члены которых владеют лишь одним набором средств и не способны переходить от одного уровня коммуникации к другому. В этом случае в языковой деятельности представителей разных социальных слоев можно выделять разные стандартные нормы. Помимо таких норм в реальной коммуникативной практике присутствуют и различные формы речи, воспринимаемые в качестве «отклонений» от принятого языкового стандарта. Такие отклонения встречаются как у тех, кто использует «высокий» язык, так и у носителей языка «низкого». Характер отклонений может существенно различаться у разных групп, что обусловлено несовпадением стандартных норм каждого из таких языков. Все это еще более затрудняет смысловую интерпретацию выражений, составляющих содержание коммуникативной деятельности людей. «Потенциальные» смыслы, не проявляясь в коммуникативных актах напрямую, все же могут каким-то образом влиять на функционирование актуализированных средств языка, порождая «вторичные» (коннотационные) характеристики используемых слов и выражений. Выявление «скрытых смыслов» часто оказывается плодотворным материалом художественного творчества. Достаточно вспомнить языковые эксперименты В. Хлебникова, А. Крученых и других авторов, пытавшихся создать особый язык (то, что называют «заумь»).

Используя слова в нетрадиционных контекстах, конструируя новые непривычные звукосочетания, они надеялись сделать явными смыслы, скрытые в «затертых» обыденных фигурах речи. Позднее в этом же направлении стали работать ОБЭРИУты, также добивавшиеся выявления неожиданных оттенков речи, сталкивая между собой привычные смыслы и такие, которые воспринимались как бессмыслица, абсурд, выражая «свободную волю слова». Само слово «абсурд» в переводе с латинского означает «нелепость», «несообразность», образованное от *ab* — отделение, отвелечение, и *surdus* — «глухой», оно характеризует попытки представителей данного направления извлечь из затертых («глухих») способов употребления слов их неявные возможности более яркой коммуникации. В своей «Декларации» ОБЭРИУты утверждали, что их работа расширяет и углубляет смысл слов, а не разрушает его. «Конкретный предмет, очищенный от литературной и обиходной шелухи, делается достоянием искусства. В поэзии — столкновение словесных смыслов выражает этот предмет с точностью механики»¹⁵. Вообще, в литературном творчестве стремление выявить, сделать доступными для людей скрытые неявные смыслы — одна из наиболее устойчивых тенденций. Можно вспомнить такие имена, как Л. Кэрролл, Д. Джойс. Из отечественных писателей подобная линия отчетливо различима в некоторых произведениях В. Аксенова, В. Попова и других авторов.

Однако смысловые рамки, задаваемые экспериментаторами, редко сразу включаются в традиционный набор коммуникативных средств, которым руководствуется большинство членов какого-то общества. Поскольку стереотипные формы человеческой речи меньше зависят от конкретных локальных условий общения, постольку можно предположить, что они, скорее, выражают не столько смысл, сколько значения

¹⁵ Ванна Архимеда. Сб. Л., 1991. С. 458 (сборник произведений ОБЭРИУтов при жизни авторов не был издан).

соответствующих языковых структур, и их смысловая интерпретация обусловлена в основном локальными условиями тех ситуаций, в которых эти структуры используются. Большинство произносимых или написанных предложений выражает не только общее предметно-тематическое содержание, но и отношение тех, кто эти предложения использует, к некоторой *данной* ситуации (и к тем, кто вместе с ним в эту ситуацию вовлечен), а такое отношение всегда формируется под влиянием ситуационных условий. Поэтому восприятие каких-то выражений как полностью «бесмысленных» не может обуславливаться характеристиками самого языка.

Такая оценка выражает лишь несовпадение произнесенного или написанного предложения с ожиданиями некоторых участников коммуникации. Для других людей такие выражения могут быть вполне осмысленными. На оценку предложений как «понятных» или «непонятных» существенно влияет жизненный опыт индивида, в том числе и опыт языковой деятельности. То, что было непонятным в одной ситуации, может стать осмысленным в другой. К тому же «непонятность» каких-то текстов и предложений может обуславливаться не отсутствием в них смысла, а неограниченной возможностью способов их понимания¹⁶. Выделение всевозможных ситуационных контекстов (на что направлены многие современные исследовательские программы) делает чрезвычайно важным изучение языковых форм, входящих в функциональный запас какой-то культуры, хотя и не используемых большинством носителей языка. В каких-то локально-конкретных ситуациях эти формы могут играть определяющую роль. Но не всегда можно определить природу подобных ситуаций заранее.

В связи с этим возникают вопросы: могут ли вообще существовать абсолютно бессмысленные языковые конструкции? Могут ли выражения, резко не совпадающие с привычными нормами речи, все же передавать какие-то смыслы? Создавая стандартные описания ситуаций, с которыми люди сталкиваются в процессе своей жизнедеятельности, они используют уже освоенные языковые средства для конструирования множества «возможных миров». Но как возникали эти средства? Были ли они «осмысленными» сразу, при своем появлении? Обсуждая связь некоторых форм ритуальных действий с возникновением производственных технологических процедур, Л. Мамфорд высказал предположение, что «многословный устный поток зародился несказанно раньше сдержанной разумной речи», что «первые предложения, произнесенные человеком, вероятно, были куда нелепее, чем любой лимерик Эдварда Лира»¹⁷. В самом деле, слова обретают смысл лишь в повторяющихся ситуациях их употребления. «Потенциальные» смыслы слов осваиваются, становятся привычными не тогда, когда эти слова «поняты», а в силу привычности их употребления, когда они связаны с многократным воспроизведением множества различных случаев, при которых то или иное слово используется. Так осваивают язык дети, так обучаются владению иностранными языками люди любого возраста.

Можно предположить, что языковые структуры, остающиеся длительное время неиспользованными, играют роль «заготовок» для описания ситуаций, с которыми люди пока еще не столкнулись. Язык содержит больше способов осмысления человеческого взаимодействия с окружающей действительностью, чем необходимо людям

¹⁶ См.: Успенский Б. А. *Ego loquens*. Язык и коммуникативное пространство. М., 2007. С. 188.

¹⁷ Мамфорд Л. Миф машины. С. 94, 108.

в отдельные периоды их жизни. В этом случае усилия поэтов и писателей, осваивавших «заумь», следует воспринимать в качестве попыток выявить некоторые *возможные* содержательные смыслы языковых выражений, воспринимающихся в рамках стандартного подхода отдельной конкретной эпохи как «бессмысленные». То, что в языке часто возникают какие-то формальные структуры, наполняющиеся содержательным смыслом с возникновением качественно нового спектра ситуаций, можно увидеть, в частности, при изучении истории научного познания. Когда-то, оценивая эвристическую значимость языка математики, физики отметили, что каждый раз, когда естествознание переходит к качественно новому кругу представлений об устройстве действительности, обнаруживаются уже существующие формы математического языка, посредством которых можно выразить новый комплекс идей. В данном случае речь шла о матричном исчислении, которое до открытия квантовых явлений воспринималось в качестве интересной «знаковой игры», не имеющей реального физического смысла.

Одна из важнейших функций философского познания как раз и связана с выявлением скрытых возможностей человеческого опыта. Еще Гуссерль обращал внимание на необходимость осуществления критического анализа каждой теоретической системы для выявления пропущенных или неясных положений, лежащих в основании этой системы¹⁸. Осмысление событий, с которыми люди сталкиваются в своей жизни, описание связей между этими событиями (т. е. конструирование «ситуаций»), все в большей степени сегодня заставляет людей обращать внимание на *возможные состояния дел в мире*. Эти возможности могут быть уже представлены в теоретическом сознании, хотя полное понимание их смыслового содержания какое-то время остается нереализованным. Так, Б. А. Успенский описывал ситуации «актуальные» и «мыслимые». Последние, в свою очередь, он разделил на «конкретные» и «абстрактные». «Актуальную» ситуацию он определял как такое описание, которое соотносено с конкретными пространственно-временными координатами. Мыслимые «конкретные» ситуации есть некая интеллектуальная модель актуального состояния мира, которая может реализоваться в достаточно четко определенных условиях. «Абстрактный» же тип ситуаций никогда не соотносится с какими-то локально обозначенными координатами и выражает общее содержание массы ситуаций «конкретных». Этот вид Успенский определяет как «типовую» ситуацию, связывая его с семантическими особенностями используемого языка. «Конкретную» ситуацию он относит к сфере семантики речевого акта¹⁹.

Однако выделенные типы ситуации так или иначе связаны хотя бы с некоторыми фрагментами реальности, пусть и не все их смысловые уровни раскрыты полностью. Сегодня же важно обратить внимание на возможности, скрытые в таких языковых структурах, которые не указывают ни на реальные, ни на воображаемые состояния мира. Как уже говорилось, конструируя «возможные миры», люди отбирают определенные языковые средства. И способ такого отбора задает рамки смысловых контекстов, в которых осуществляется содержательная интерпретация созданных описаний. Однако отбор опирается на совокупность выражений, использованных предшеству-

¹⁸ См.: Гуссерль Э. Философия как строгая наука. Новочеркасск, 1994. С. 131.

¹⁹ Успенский Б. А. Ego loquens. Язык и коммуникативное пространство. С. 99; см. также примечание 1 в главе 2 на с. 143.

ющими авторами. Следовательно, *актуальные смысловые контексты возникают на основе контекстов, значимость которых может в данное время оказаться полностью или частично уже утраченной*. Тем не менее связь прошлых и настоящих контекстов (пусть и не всегда осознаваемая достаточно явно) создает некий «фон», на котором возникает потенциальный набор смыслов. Как уже говорилось выше, выявление содержания каждого отдельного выражения языка возможно лишь при определении целевого контекста, с которым данное выражение связано. Данный контекст может быть осмыслен тогда, когда выявлена его связь с предыдущими контекстами. Такая связь не имеет строго определенной формы, однако тексты, созданные в разные времена, как и контексты, с которыми они связаны, неявно формируют нечто вроде «гиперконтекста» (целостной совокупности контекстов, определяющей истолкование частных форм, входящих в ее содержание). Системы слов и порождаемые ими смыслы всегда влияют друг на друга. «В начале всякого слова всегда было какое-то чужое слово», — писал известный литературовед А. К. Жолковский²⁰.

Конечно, говоря о «гиперконтексте» как системе взаимосвязанных между собой частных форм контекста, трудно представить такую связь в качестве строго определенной схемы логического следования. Скорее, речь должна идти о какой-то особой форме наведения (индуцирования) одних контекстуальных рамок другими. Такие процессы регулируются принципами, не получающими строгого оформления, но тем не менее достаточно рациональными и эффективными. Одним из таких принципов является «принцип доверия», в соответствии с которым некоторые посылки подобной «нестрогой» индукции принимаются не потому что доказана их истинность, а лишь на основании доверия к их правдоподобности. С помощью таких эвристических принципов формируется нечто вроде смыслового «канала», задающего направленность развития культурного сознания. Границы такого канала могут достаточно долго определять способы стандартного осмысления людьми ситуаций, с которыми они имеют дело. Но и сами ситуации оказывают обратное воздействие на функционирование канала.

Изменение характера человеческой деятельности приводит к утрате смысла одних форм языка и, наоборот, наполняет смыслом те из них, которые ранее не воспринимались в качестве «значимых», «содержательных» и пр. От одних контекстуальных рамок люди переходят к другим, актуализируя смыслы, ранее имевшие лишь потенциальный характер. Смена деятельности ведет к изменению контекстов. А это в свою очередь обуславливает ситуативность смысла выражений, используемых в коммуникативных действиях представителей различных типов обществ и различных эпох. Однако можно наметить какие-то общие рамки, в которых происходят формирование и смена контекстов. Это может способствовать более ясному пониманию различных способов соотношений между смыслами и ситуациями.

Во-первых, особенности конструирования текста (описания ситуации) не редко возникают под влиянием случайных факторов. Возникающая в результате формальная связь между различными элементами и уровнями созданного описания сама по себе задает некий контекст смысловой интерпретации данного текста. Как уже говорилось, слова и выражения, составляющие содержание любого описания, неизбежно

²⁰ См.: Жолковский А. К. Блуждающие сны и другие работы. М., 1994. С. 17.

ЛОГИКА И АРГУМЕНТАЦИЯ

вливают друг на друга. Их смыслы часто определяются тем местом, которое каждое из них занимает в общей структуре конкретного текста (на это обстоятельство указывал в свое время еще П. Абеляр, выдвигая свой принцип «эквивокции»).

Во-вторых, на особенности контекстуального осмысления конструируемых описаний действительности прямо или косвенно воздействуют представления о принятых в культуре данного общества канонах, регулирующих создание текста. Рамки соответствующего жанра, уровень «официальности» текста, его «реалистичная» или «пародийная» ориентация и некоторые другие установки также определяют способ связи частей текста и возможность его содержательной интерпретации.

В-третьих, с различной степенью явности на способ понимания и соответствующего описания ситуации воздействуют не только наличная система канонов, но и некоторые «архетипы», когда-то действовавшие «напрямую», а впоследствии отодвинутые в сферу подсознания. Никакие смыслы, раз возникнув в культурном сознании, не исчезают полностью. Могут утрачиваться первоначальные контексты их использования, однако и в трансформированных вариантах они продолжают оказывать влияние на конструирование новых ситуационных моделей.

В-четвертых, особенности контекста могут обуславливаться множеством ассоциативных связей, соединяющих данный текст с какими-то другими, явно не подразумеваемыми ни отправителями сообщения, ни его реципиентами. Не только формальные связи влияют на способ понимания различных фрагментов созданного текста, но и всевозможные идеи, составляющие его содержание, с различной степенью явности воздействуют и на сознание автора текста, и на тех, кто этот текст воспринимает и осваивает. Пересечение идей может вести к их взаимному согласованию, может порождать различного рода конфликты между ними (не всегда осознаваемые явно). Воздействие прямых, выраженных непосредственно ассоциаций и таких, которые лишь неявно предполагаются, существенно определяет интерпретационный контекст сообщений, транслируемых в социальной действительности конкретного периода общественной жизни.

Необходимо учитывать и то обстоятельство, что возникающие различным образом контексты сами вступают в определенные отношения между собой, образуя «гиперконтекст». В любом случае процесс осмысления текстов и предложений, из которых эти тексты построены, обязательно предполагает анализ тех ситуационных условий, в которых они возникали и употребляются. И «динамичная» ситуационная логика должна способствовать выявлению оснований для перехода от одних форм истолкования состояний мира к другим. Ведь поведение людей, с одной стороны, определяется способом осмысления этих состояний, конкретным способом создания описаний, воспринимаемых в качестве реальных ситуаций, с другой же — само это поведение ведет к переосмыслению существующих форм жизни, к появлению новых средств и способов конструирования «возможных миров». Изучение динамики контекстуальных рамок должно способствовать более полному пониманию природы факторов, определяющих взаимосвязь ситуаций и смыслов.